



МАТЕРИНСКИЕ ИВЫ

(Лирическая поэма)

1

Я к матери приехал год назад,
Я ощутил земли родимой
пряность.

Мы вышли с ней в притихший
старый сад.

Прошли к реке сквозь раннюю
багрянть.

Багрянть эту по реке несло
Меж берегов задумчивых и
кротких.

И уплывало черное весло.
Отбитое рекой у черной лодки.

Был древний лес осенних криков
волн,

Поля и доли осень обнажала.
И черное весло по гребням волн
Листва, толпясь, в багрянть
проводжала.

Я у реки хотел отнять весло,
Я побежал по берегу крутому.
Но вдруг весло волною отнесло
И окунуло в потемный омут.

2

Паутинок плыли нити.
Мама радовалась мне.
Захотелось походить ей
По заречной стороне.

И сама себе в утеху
Каждой ели и сосне
Говорила: «Сын приехал.
Появился, как во сне!»

Говорила каждой круче,
Повторяла всем полям.
И седой листве летучей,
И высоким журавлям.

В ближней роще, где помглистей.
Под недалний скрип колес,
Обнимали маму листья
Желтых вязов и берез.

Обнимали возле елей,
Светлой радостью делясь.
Были рады, что с постели.
Как ни трудно, поднялась.

Что опять полегче стало,
Что шагает по меже.
Шла со мной и вспоминала
Позабытое уже.

Вот сюда, за темный омут,
В детство давнее свое,
Поутру гусиный гомон
Пригоняла на жнивье.

Где-то здесь вот, где-то здесь вот,
У взволнованной реки,
При луне с июнем вместе
Собирала васильки.

Рожь с утра до ночи жала
Вот у этих синих троп
Да баюкала, держала
Развихрастый каждый сноп.

И тяжелыми руками
Коноплю брала легко.
А заря под облаками
Растекалась широко.

Растекалась светом слабым.
Разрумянив край земли.
И слышался ей запах
Темной-темной конопли.

Из былого на минутку
Возвратила синева
Чью-то песню, чью-то шутку.
Чьи-то звонкие слова.

И опять все в давнем тонет,
Все теряется вдали.
Только вот ее ладони
Не отмылись от земли.

Молотить да жать бы вечно.
От рассвета дотемна.
Ой заречье, ой заречье.
Дорогая сторона.

Как тобой мы обогреты,

Как нам дорог твой порог.
Удивляясь, как поэты,
Шли мы тихо без дорог.

Все бродили по заречью.
Меж собой вели мы речь.
С полем — встреча, с лесом —
встреча,
Сколько их, желанных встреч!

Становилось небо мгlistей,
Оглянулась тихо мать.
Тут опять, волнуясь, листья
Стали маму обнимать.

Над полями и лесами
Угасал осенний день.
У плотины перед нами
Пробежала ночи тень.

3

Дремлет сладко, беспробудно
Потемневший отчий кров.
У печи — большая груда
Смоляных, замшелых дров.
За окошком ивы никнут.
Шепчет рыжая трава.
И листвою, и земляникой
Пахнут свежие дрова.

О тепло родимой хаты.
Ты в наследство нам дано.
Прислонясь к печи, ухваты,
Спины грея, спят давно.

Под холодной темной высью,
Ощущая неуют,
Припадают к стеклам листья,
По-над окнами снуют,

Листья вьются, листья кружат,
Не хотят на землю лечь.
Знать, и впрямь хотят послушать
Ну о чем ведем мы речь?

Ну, а мы в ночную пору,
В озарившем нас тепле.
Продолжаем разговоры
О своем родном селе.

«Как живем мы тут? Да что же,

Не сидим пока без дров.
Люди больно уж пригожих
Понастроили дворов.

Все живут, сказать-то, славно.
Как не жили до сих пор.
Раньше что: ну стол, ну лавка
Да под лавкою топор.

А теперь в селе живущим
Даже за полночь светло.
Только вот никак от пьющих
Не избавится село.

Друг-то твой, с которым школу
Ты заканчивал одну,
Включит громко радиолу
И давай громить жену.

Пусть бы пил... да дети ж, дети...
Как же им с таким отцом?
Я прошу тебя: в газете
Пожури его словцом.

Ну, а так живем, как надо,
Все худое утекло.
Те, кто выехал когда-то,
Возвращаются в село.

Тянет всех родное небо.
Всем одни сердца даны:
Что без соли, что без хлеба.
Что без отчей стороны.

Запропал и сам ты где-то
У других полей и рощ.
Все по свету, все по свету.
Все кочуешь день и ночь.

Сколько раз на печке жаркой
Вьюжкой лютою зимой
Вдруг тебя мне станет жалко:
Где ты? Как, сыночек мой?

Но и в сумерках ненастных
Не виню — свое верши.
Не виню, что все богатство
У тебя — карандаши.

Уж твоя такая доля.
Только где не пребывай,
А родных берез во поле

Никогда не забывай.

Поминай места родные.
Память сердца вороши.
Письма нам хоть доплатные,
А почаще все ж пиши».

И опять, справляясь с болью,
Поправляя свой платок:
«А годов тебе-то сколько,
Ты скажи-ка мне, сынок!

Не один не сед твой волос,
И, как хочешь, верь не верь,
До чего ж, скажу, ты молод —
Не стареют, знать, теперь!

Нам досталось непогоды.
Скольких нас-то замела?
Я давно в твои-то годы
Одинокою была.

Как и выдержали люди —
Хоть бы взять у нас, в селе.
А скажи, войны не будет,
Тихо будет на земле?»

— Знать не будет,— говорю я.
Чуть помедлив, чуть спустя.
Мать сидела пригорюнясь,
Руки кроткие скрестя.

«Хоть бы ей не быть, войне-то.
Ни вблизи, ни вдалеке.
Дети плачут, помни это,
На едином языке!»

4

Прокралась в сердце мамы
дрожь

И примешалась к боли.
Привиделось: пылает рожь
Во всем бескрайнем поле.

Дым стелется и так и сяк,
Вой резок бомб летящих.
Пред кебом крестится ветряк
По грудь в огне стоящий.

И, убегая от огня,
Набравшись вдоволь страху,

Мать тащит за руку меня
По дымному оврагу.

И вновь — по спелой, спелой ржи,
По дымной ржи высокой,
Огонь гуляет у межи,
Огонь войны жестокой.

На рыжем носится коне
Тропинками крутыми.
Густая рожь в дыму, в огне,—
Хлеба в огне и дыме.

Огонь догнать нас норовит.
Мать тихо небо молит.
А рожь горит, кругом горит.
Рожь корчится от боли.

И возле гулкого огня,
В полынном черном дыме,
Мать то прижмет к груди меня,
То рожь, упав, обнимет.

А на виду всех добрых мест.
Над опаленным хлебом,
Ветряк поднял горящий крест
Перед горящим небом.

Дымится дальний косогор.
И зной висит палящий.
Все кажется ей: до сих пор
Бежит по ржи горящей.

Бежит, уходит от огня,
И тащит за ручонку.
Огнем задетого, меня,
Вихрастого мальчонку.

Бежит она по дымной ржи,
Сквозь огненное жито.
«Не будет, сын мой, ты скажи.
Еще такой беды-то?»

А я на мать смотрю, смотрю,
А время память будит.
Ну, что тут скажешь? Говорю —
«Наверно, мать, не будет!»

5

Мама за сердце взялась,
Глянула устало.

С табуретки поднялась,—
Еле-еле встала.

Ивыгнулись у крыльца.
Листья шелестели.
«Было б плохо, коль сердца
Наши не болели».

Что бы стало оттого?
Кто б кого приветил?
Знать, никто б ни за кого
Не болел на свете.

Нет, уж людям до конца,
По людской их доле
Не сберечь свои сердца
От душевной боли.

Как о чем-то не болеть,
Я и не представлю.
Молока тебе согреть?
Кринку в печь поставлю!

6

Грустят журавли о Десне,
О каждой речонке и речке,
Ах, мама, приснись хоть во сне
Стоящей на старом крылечке.

В знакомом неярком платке
Постой на щелистом крылечке,
И я появлюсь вдалеке,
И я покажусь из-за речки.

И радость не пряча в груди,
Руками всплесни — и под вечер
Навстречу мне, мама, иди,
И буду бежать я навстречу.

И русский мой чуб тебе,
Скажи, как сказать ты умела:
«Как долго ждала я тебя.
Глаза я свои проглядела!»

И радостно я затужу
На старом, знакомом пороге:
В глазах я твоих разгляжу
Свои все пути и дороги.

7

Высокие январские сугробы.
Наш дом в снегу почти что до
бровей.

По-над оврагом медленные тропы
Заносит молчаливо снеговой.

Кругом снега. Я поднимаюсь в
гору.

И вижу я еще за полверсты:
На кладбище сугробы, как соборы,
Над куполами их — кресты,
кресты...

Пред ними, холодея от мороза,
Почти что в состоянье немоты,

Склонились деревенские березы,
Склонились белоснежные кусты.

А снегири, как ранние зарницы,
Как дети отгоревших в ночь
зарниц.

И на сосне неведомые птицы,
И на березах посвист зимних птиц.

Качают птичьи голоса березы,
Светясь, снежинки меж крестов
снуют.

О мама, не тужи, что я промерзну.
Спугнуть их не могу — пускай
поют!



